

ситуацию, после чего происходит формирование новых институциональных и парсических отношений (идушие до конца герои, мученики, святые).

4) Интеллигенция относится к первой из указанных подгрупп третьей группы. Находясь внутри реальной институционально-парсической ситуации, именно ее наиболее талантливые представители соединяют собой настоящее и будущее, не принадлежат полностью институтам, поскольку видят дальше своих функций, но, будучи с ними связанными, не впадают и в безосновательные фантазии, анархию и произвол. Интеллигент часто мешает: администратору за тягу к новому, политикам - поскольку он не летит сломя голову в авантюры (отсюда клеймо «гнилой интеллигенции»). Интеллигенты относятся к разным областям деятельности, как говорили раньше, «рекрутируются из разных групп и классов», и не составляют особой социальной группы. Они - общность людей, близких друг другу социальными настроениями, представлениями о связи личности и общества, индивидуальной души и коллективного духа, что не раз провоцировало на отнесение их к «монашескому ордену» (С.Л.Франк), хотя и «не знающему внешних форм, но имеющему свой неписанный кодекс» (Г.П.Федотов), к «рыцарскому братству», который не имел «никакого письменного устава» (П.В.Анненков). Они – *субстанциальный смысловой источник общества, носители созидательной парсики, той, которая не только устраняет отжившие институты, а и создает базовые отношения новых институциональных порождений в условиях хаоса. Они – хранители преемственности в изменчивости, а значит идентичности общества и народа.* Давно подмечено, что ни одна попытка революций не заканчивалась успехом, если ее не поддерживала интеллигенция. Сущность интеллигента в том, что *он способен раньше других увидеть в себе, в обществе и других людях те новые возможности, опираясь на которые можно перейти к более совершенной гармонии между людьми, обществом и природой.* Поэтому *не политические события порождают перемены (они их лишь завершают); начало перемен – в головах интеллигентов, в антропологической революции, которая происходит с ними.* От них новые идеи как семена переносятся в другие головы и ведут общество к преобразованию. Истоки такого понимания роли интеллигенции – у Г.Федотова, сегодня его развивают Н. Корниенко и другие.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Конев В.А.

г. Самара. Россия

1. Советская цивилизация, появившаяся в результате революционных войн и политических преобразований, утверждает установку на научное планирование и управление всеми общественными и культурными процессами. Это цивилизация господства идеологических ценностей и приверженности активизму. Интеллигенция занимает в этой цивилизации особое место. Поскольку общество ориентировалось на ускоренное развитие экономики на основе науки (как это реально осуществлялось, я сейчас не обсуждаю), то быстро и интенсивно развивается система образования и науки. Ценность знания и культуры (пусть идеологизированной!) становится характерной чертой советской цивилизации. Это создает благоприятные отношения для роста уровня образования в обществе, для развития системы научных и культурных учреждений. А вместе с этим растет слой людей, профессионально занятых высококвалифицированным умственным трудом. Благодаря деятельности интеллигенции создается главное достижение советской цивилизации – интеллектуальный и духовный потенциал общества. Сама интеллигенция как специфическая социальная группа выполняла в советском обществе ту роль, которую в западных обществах XX века играл так называемый средний класс. Это была группа, которая своей спецификой своей деятельности утверждала значимость всеобщего труда: интеллектуальный продукт по природе своей есть результат всеобщей культурной деятельности и это продукт, который принадлежит всякому, кто его понимает. Это была группа, которая конституировала деятельность, требовавшую распределение функций между людьми по способностям. Парадокс же советской цивилизации заключался в том, что социальный слой, реально утверждавший принципы *communis*, рассматривался политической силой этой цивилизации как слой ей чуждый. А потому интеллигенция оказывалась в оппозиции к политическому режиму. «Шестидесятники», цвет советской интеллигенции, ратуя за интеллектуальную свободу и демократические ценности, разрушили изнутри советскую цивилизацию, доказав тем самым, что именно интеллектуальные слои общества были силой в этой цивилизации.

2. Возникшее постсоветское общество оказалось по природе своей бесструктурным. И первые шаги его истории были связаны с поисками оснований самоидентификации. Они шли в разных сферах и направлениях – в экономике через установление паритета рынка и государственного регулирования, в политике через поиск баланса между национальными интересами и внешними влияниями, а сфера культурного и социального была предоставлена стихии как менее важная и которая, по мысли, помнившей обрывки марксизма-ленинизма, сама должна была со временем настроиться. Но самоидентификация коренится именно в культуре и способах организации гражданского общества, которое конституируется как самоорганизация индивидов.

3. Западноевропейская традиция гражданского общества – это традиция гражданского объединения на основе права закона. «Интуиция общественного», которая живет в сознании российского сообщества, восходит к византийской политической и правовой традиции. От византийской традиции идет ориентация общественного начала не на *соглашение* по поводу закона, а на *оглашение* закона верховной властью. У

этой традиции есть и другой аспект – в утверждении порядка и смысла общественности огромную роль играют признанные в сообществе моральные авторитеты (вспомним Л.Толстого или А.Сахарова). Значение духовных авторитетов для развития общественного самосознания выражалось и в том, что «в России поэт всегда больше, чем поэт», и в том, что «русским мальчикам прежде всего надо предвечные вопросы решить» (Ф. Достоевский). Последнее – *решение предвечных вопросов* – и есть, на мой взгляд, самое важное основание общественности в нашем отечественном опыте, основание гражданского, т.е. признаваемого и утверждаемого гражданами, общества. Как верно заметил акад. В.С. Степин, в российском сознании справедливость стоит выше закона, а потому именно она, а не закон, определяет общественный порядок (или беспорядок!). Справедливость не может быть декларирована как закон или истина, она должна быть явлена, позиционирована, открыта как действие, как событие. Вот почему и необходимы общественные моральные авторитеты. Они не избираются, не назначаются, не покупаются. Они становятся голосом общественной совести. Поэтому гражданское общество российской традиции может быть основано именно на образовании личности, способной ориентироваться на нравственные ценности. Такая личность формируется образованием и культурой. Поэтому путь к гражданскому обществу в России лежит через образование, ориентированное на воспитание, на формирование свободного критического мышления личности (постоянное обращение к *предвечным вопросам!*). А это и есть дело интеллигенции. Поэтому и в постсоветском российском обществе «средним классом» как опорой гражданского общества должен стать не предприниматель, не мелкий бизнес, а человек образования, носитель знания и культуры.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ДИСКУРСЕ ВЛАСТИ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Куцепал С.В.

г. Полтава. Украина

Среди бесчисленных дефиниций понятия «власть» заслуживает внимания определение, сформулированное Г. Моргентау: «Когда мы говорим о власти, мы имеем в виду осуществляемый человеком контроль над сознанием и действиями других людей» [1, P.26]. Именно желание доминировать над сокровенной сущностью других, подчинять их поведение и действия своей воле, а иногда и своеволию является осевой референцией мыслительного пространства властвования, тайным эзотерическим компонентом феномена власти.

Именно этот аспект отношений власти и раскрывается в деятельности интеллектуалов, стремящихся к осмыслению своего времени, раскрытию всех составляющих мозаичной картины современности, конструирующей единое понятийное пространство, где все события именуются, обретают свое место и пропускаются сквозь сито истинностных процедур. Как справедливо заметил Ж. Делез: «теоретик-интеллектуал перестал быть субъектом, представителем чьей-то совести или олицетворением чьего-то сознания. Ибо те, кто действует и борется, перестали быть представляемыми кем-либо, будь то партией или профсоюзом, которые, в свою очередь, присваивали бы себе право быть их сознанием» [2, с.67]. Единичность перешла во множественность, представительство уступило место действию – теоретическому, практическому, коммуникативному, заключенному в отношения перехода или сплетения.

Претерпевают изменения и традиционные виды политизации интеллектуала и, соответственно, два вида участия в политике, характерные для современной эпохи: интеллектуала «отверженного», особенно страдавшего и притеснявшегося в те периоды развития общества, когда господствовали догмы, установленные властью, а тоталитарные «короли» гордо выдавали идеологическую и нравственную наготу за щегольские новые наряды, и интеллектуала «социалиста», которому дозволено было раскрывать определенные стороны отношений в системе власти. Роднило эти два типа интеллектуалов одно – они говорили истину тем, кто ее не видел, и от имени тех, кто по различным причинам не мог ее высказать.

Постсовременность характеризуется небывалой активностью масс, которые не только отчетливо понимают истину власти, но и не боятся ее высказать открыто, примером чего могут быть многочисленные «цветные революции», существенно изменившие окраску политической карты многих стран Европы. Кроме того, реалии жизни обоснованно показывают, что во многих случаях интеллектуалы превратились в активную часть системы власти, являясь активными адептами ее интересов. Соответственно кардинально меняется роль интеллектуала «не высказывать за всех безмолвную истину, а ... бороться против всех видов власти, ...за то, чтобы выявлять и подрывать ее там, где она более всего невидима и коварна» [2, с.69].

Именно интеллектуал призван раскрывать сущность действий власти, следить за тем, чтобы предлагаемые реформы и нововведения были направлены не на обслуживание интересов власти и увеличение ее привилегий, а на улучшение социальных, политических, экономических интересов массы населения, раскрывать и контролировать механизмы осуществления власти.

Источники и литература

1. Morgenthau H. Politics Among Nations. – N.-Y., 1967.
2. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2002.